

УДК 81'22

НЕРЕФЕРЕНТНОСТЬ И НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ: ЛОГИКО-СЕМИОТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЛУЧАЕВ НЕРЕФЕРЕНТНОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ ИМЕН В ТЕКСТАХ СТАНИСЛАВА ЛЕМА

Екатерина Андреевна Смердова

к. филол. н., учитель английского языка

Гимназия № 4 имени братьев Каменских г. Перми

614048 г. Пермь, ул. Екатеринбургская, 218. smerdowa.ekat@yandex.ru

Основное внимание в статье уделено вариантам интерпретации случаев нереферентного употребления имен. В статье раскрывается цель нереферентного употребления имен как приема создания ирреальной текстовой картины мира. Рассматривается вопрос о логических и семиотических основаниях существования имен ирреальных объектов. Также дается классификация типов референтов таких знаков. Среди путей интерпретации случаев нереферентного употребления имен в текстах С. Лема выделяются игнорирование возможно существующего значения такого знака или реконструкция значения по граммемам знака и контексту его употребления.

Ключевые слова: семиотика; нереферентное употребление имен; ирреальная текстовая картина мира.

Воспринимая действительность, мы выносим суждение о свойствах ее частей. Иными словами, восприятие есть прототип мышления [Грегори 1970: 169]. Если объект воспринят, значит, он связан в сознании воспринимающего с определенной системой – системой значений. Процесс «связывания» имени с его значением сравним с «подборкой» воспринимаемому объекту своего фрейма, структуры данных, представляющей какую-либо стереотипную ситуацию (термин М. Минского, цит. по: [Глезер 1993: 222]). Из этого вытекает простой, на первый взгляд, вывод: если знак признан знаком, значит воспринимающий опознал в данном объекте структуру знака (имя, представление о референте, референт). Однако этот, казалось бы, очевидный вывод становится парадоксальным, при рассмотрении случаев нереферентного употребления имен.

Нереферентное употребление имен – это такой случай семиозиса, когда объект указания имеет ирреальный модус существования, т. е. представление о референте есть результат анализа текста, а не чувственной верификации или конвенции, как в случае с большинством знаков. Станислав Лем, польский писатель-фантаст, философ, футуролог, часто использовал случаи нереферентного употребления имен в таких своих текстах, как: «Звездные дневники» [Lem 2012b], «Кибериада» [Лем: электр. ресурс;

Lem: электр. ресурс], «Сказки роботов» [Lem 2012a], «Солярис» [Lem 2012c]. Среди случаев нереферентного употребления имен в «Звездных дневниках» можно встретить такие: *amfignajs* (*ам-фигнайс*), *antropofagi* (*антропофаги*), *cielizm* (*телизм*). Для интерпретации таких знаков есть несколько препятствий, главные из них: а) отсутствие закрепленного за знаком значения; б) вопрос о возможности существования знаков без значения в принципе. Для преодоления трудностей в познании случаев нереферентного употребления имен необходимо проанализировать как содержание, так и форму выражения этих знаков. При этом необходимо использовать семиотические методы анализа знака, а также, так как материал для анализа представляет собой вербальные знаки, лингвистические методы анализа (в частности – словообразовательный анализ).

Для начала обратимся к лингвистической стороне вопроса о нереферентном употреблении имен. Как пишет Дж. Гибсон: «Знание, облеченное в словесную форму, – это явное знание. Оно отличается от знания неявного тем, что человек-наблюдатель способен выразить в словах то, что он осознает, и тем самым сделать это доступным для передачи другим» [Гибсон 1988, 369]. В этих словах раскрывается основная функция языкового знака как средства передачи информации. Для

этого языковой знак должен удовлетворять нескольким условиям. В первую очередь, форма и содержание знака должны быть общепринятыми. В этом случае воспринимаемая форма, например, *pisarz* 'писатель', «наводит» интерпретатора на ряд свойств объекта указания, которые в своей совокупности и дают представление о референте знака. Другим условием успешной интерпретации вербального знака является соответствие условий его употребления (в том числе экстралингвистических) принятой норме. Иначе говоря, вербальный знак воспримется как таковой лишь среди других вербальных знаков, в условиях чтения текста или восприятия его на слух. При этом должны существовать говорящий и слушающий, у них должно иметься намерение донести и получить информацию, соответственно. Каким образом в эту систему вписывается случай нереферентного употребления имен? И может ли такой знак называться знаком в принципе? Здесь следует отметить, что термин Е.В. Падучевой [Падучева 1985] «нереферентное употребление имен» предполагает два типа употребления имени. В одном случае имя указывает на свойства объекта, и эти свойства известны интерпретатору. В другом случае, при нереферентном употреблении имени, указание производится на те свойства, которые не известны интерпретатору. Таким образом, справедливо устанавливается, что в любом случае употребления имени оно выполняет свою остенсивную функцию. Если же возникает ситуация неоднозначности, когда значение знака скрыто от интерпретатора, то причиной тому является характер самого акта употребления знака, а не его структурный «недостаток» (якобы отсутствие референта). При таком объяснении исключается парадокс как будто бы «отсутствия значения» в случае нереферентного употребления имен.

Итак, случай нереферентного употребления имен должен быть признан вербальным знаком. Из этого следует, что у него есть все структурные части, положенные таким знакам: имя, представление о референте (информация о свойствах объекта указания) и референт. Форма такого знака нова, он создан автором *ad hoc* для конкретного текста. С. Лем в качестве словообразовательных моделей использует, например, такие как: а) корень + аффикс (*charany* – хараны; *gwajdolnica* – гвайдолница); б) сложение основ (*intelektronika* – интеллекtronика; *komputerocyd* – компьютероцид).

Содержание случаев нереферентного употребления имен может быть интерпретировано по-разному, в зависимости от того, учитывается ли контекст употребления знака в акте интерпретации или нет.

Говоря о включении контекста употребления знака в акт интерпретации, мы подразумеваем не только словесное окружение данного знака, но и жанр произведения, экстралингвистические условия его создания, личность автора и т. д. При игнорировании расширенного контекста употребления знака его значение окажется результатом анализа грамматического значения знака и лексического значения корней, входящих в его состав (если таковое имеется). При этом объект указания не получает места в системе персонажей. Причиной тому «неоднозначность» (читай: невыясненность) цели высказывания, включающего нереферентное употребление имен. Напротив, при учете экстралингвистических условий нереферентного употребления имен признается такая его функция в тексте, как означивание принадлежности объектов к «иному миру». В «Звездных дневниках» таким знаком может стать, например, одно из многочисленных наименований флоры и фауны планеты Энтеропии (*ośmiol skowytny* – восьмел скулитный; *kurdel* – курдель). Когда случай нереферентного употребления имен рассматривается как прием создания текстовой картины мира, отличной от действительности, объекту указания выделяется место в системе персонажей, у него появляется своя «роль». Этот вывод подтверждается результатом перевода на русский и английский языки текстов С. Лема, содержащих случаи нереферентного употребления имен. Как явствует из перевода «Кибериады» на английский язык, сделанного М. Кэндлом [Lem 1974], переводчик ограничился ближайшим контекстом употребления таких знаков. В результате, в тексте перевода присутствует ряд трансформаций, явно ущемляющих место объектов указания таких знаков в системе персонажей. Среди этих трансформаций: а) перевод разных случаев нереферентного употребления имен одним эквивалентом (*zits* 'прыщи' для *gwajdolnicy* – гвайдолницы; *murkwie* – муркви; *zamru* – замры); б) перевод одного случая нереферентного употребления имен разными словами (у С. Лема – *gryzmaki*, у Кэндла – *(the) calinatifacts*, *worches*). Примером же анализа расширенного контекста употребления знака является перевод того же текста С. Лема на рус-

ский язык С. Грачевым [Лем: электр. ресурс]. В этом переводе знаки получают лексическое значение и становятся полноправными заместителями объектов фантастического мира текстов Лема (*plukwy – ныряльницы*).

Теперь необходимо углубиться в анализ понятия ирреальной текстовой картины мира и ирреального модуса существования референта. Вообще вопрос о существовании с логической точки зрения решается просто. Как указывает Г. Фреге, «прежде чем мы откажем чему бы то ни было в существовании, мы должны представить это как сущее, и только потом это существование отрицать» [Фреге 1997, 14]. Далее Г. Фреге рассуждает о том, что существование есть не присущее ей изначально свойство вещи, а признак понятия, приписанный ему в акте употребления знака. Отсюда следует вывод: «Если, например, все разделить на два класса: 1) то, что есть в моем духе: представления, чувства и т. д. – и 2) то, что есть вне меня, и о последнем сказать, что оно существует, то признаком понятия “кентавр” можно считать существование, хотя кентавров и не имеется» [там же: 29]. Таким образом логически мы приходим к выводу, что существование референта не может быть отвергнуто, однако его можно по-разному охарактеризовать. Для этого необходимо выделить два модуса существования референта: реальный и ирреальный. Реальный модус существования референта предполагает, что свойства объекта указания известны и говорящему, и слушающему. Такое понимание модуса существования референта охватывает все вещи, имеющиеся в реальном мире. Ирреальный модус существования референта характеризуется полной или частичной неизвестностью свойств объекта указания и/или говорящему, и/или слушающему.

Опираясь терминами Г. Фреге, можно сказать, что в случае употребления знака, указывающего на референт в реальном модусе существования, у интерпретатора гораздо больше причин приписать данному понятию признак существования, чем при неререферентном употреблении имен. Напротив, при использовании знака с референтом в ирреальном модусе существования у интерпретатора нет информации об объекте указания, значит, существование такого объекта признается возможным, но не доказуемым. Соотнесение референта с вещью из реального мира происходит внутри «границ мировоззрения» конкретного интерпретатора. Подтвер-

ждением этому является, например, интерпретация лексики, ограниченной в употреблении (жаргон, слэнг, диалект и т. д.), когда несведущий интерпретатор не в состоянии приписать слову в форме значение, в отличие от сведущего. Таким образом, оказывается, что неререферентно употребленное имя может указывать как на референт, который является вещью реального мира, но не известен слушающему, так и на ирреальный объект. Во-первых, можно говорить о преодолимой «ирреальности», когда свойство объекта указания всего лишь скрыто от интерпретатора в силу незнания им свойств объекта указания, а не отсутствия такого объекта в реальном мире. Этот тип референта характерен для употреблений жаргонных, диалектных и т. п. наименований вне их обычной среды. Во-вторых, речь идет о непреодолимой «ирреальности» референта, когда объекта указания нет в реальном мире. Подобно «кентавру», «золотой горе» или «круглому квадрату» такие знаки отсылают к возможным свойствам возможных объектов, но ни объяснить, ни передать эти значения иначе, как при помощи одних и тех же неререферентно употребленных имен, невозможно. И это еще один признак неререферентного употребления имен – отсутствие синонимии, антонимии и пр. в применении к такому знаку. Случай неререферентного употребления имен лишен связей внутри системы языка. Это объясняется тем, что понятие такого знака не имеет логических отношений с понятиями вещей реального мира. Так, не только форма знака отражает характер его содержания, но и тип референта влияет на взаимодействие знака с другими знаками. Связь между формой и содержанием знака двусторонняя, все процессы семиозиса прослеживаются на разных уровнях и этапах.

Возвращаясь к возможностям интерпретации случаев неререферентного употребления имен, отметим, что какой бы путь ни выбрал интерпретатор, его вывод всегда будет неоднозначным. Это происходит в силу конвенции значения, регулирующей семиозис в случае референтного употребления имени и непригодной в случае неререферентного употребления. Еще одним препятствием на пути к значению такого знака является соблазн заменить грамматическим значением знака отсутствующее лексическое. При этом выявленные грамматические категории рода, числа, падежа, времени и др. не приближают интерпретатора к свойствам объекта указания, а лишь находят для знака место в системе логических

**Смердова Е.А. НЕРЕФЕРЕНТНОСТЬ И НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ:
ЛОГИКО-СЕМИОТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЛУЧАЕВ НЕРЕФЕРЕНТНОГО
УПОТРЕБЛЕНИЯ ИМЕН В ТЕКСТАХ СТАНИСЛАВА ЛЕМА**

отношений. Единственным верным решением при определении свойств объекта указания здесь будет обращение к расширенному контексту употребления знака, к жанру произведения, устремлениям и философским идеям автора и т. д. В результате такой интерпретации текста рождается представление о том, что нереферентное употребление имен есть не что иное, как прием создания ирреальной текстовой картины мира, мира, настолько иного, что в нем находится место для таких объектов, как *камбузели*, *пчмы* и даже *сепульки*.

Список источников

Лем С. Кибериада. [Электронный ресурс]. URL: http://www.electroniclibrary21.ru/literature/lem/lem_s_043.html (дата обращения 17.05.2014).

Lem S. The Cyberiad. N.Y.: The Seabury Press, 1974. 195 p.

Lem S. Bajki robotów. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2012a. 224 s.

Lem S. Dzienniki gwiazdowe. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2012b. 388 s.

Lem S. Solaris. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2012c. 340 s.

Lem S. Cyberiada. [Электронный ресурс]. URL: http://lib.mlm.ru/pl_stanislaw_lem_cyberiada.htm (дата обращения 17.05.2014).

Список литературы

Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988. 464 с.

Глезер В.Д. Зрение и мышление. СПб.: Наука, 1993. 284 с.

Грегори Р.Л. Глаз и мозг: Психология зрительного восприятия. М.: Прогресс, 1970. 279 с.

Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М.: Наука, 1985. 272 с.

Фреге Г. Избранные работы. М.: Дом интеллектуальной книги: Русское феноменологическое общество, 1997. 160 с.

**NON-REFERENCE AND AMBIGUITY: LOGICAL-SEMIOTIC ANALYSIS OF THE
NON-REFERENTIAL USE OF NAMES IN TEXTS BY STANISŁAW LEM**

Ekaterina A. Smerdova
English teacher
Grammar School № 4

The article focuses on different ways of interpreting non-referential use of names. The aim of non-referential use of names as a means of creating irreal text world view is commented on. The problem of logical and semiotic basis of irreal objects' names is considered; a classification of referents' types is provided. Among the means of interpreting cases of non-referential use of names in texts by S. Lem we distinguish ignoring a possible meaning of such sign or reconstructing the meaning by the sign grammemes and the context of use.

Keywords: semiotics; non-referential use of names; irreal text world view.